

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовно-правовых дисциплин

Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент,
заслуженный юрист РФ
В.И. Морозов

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс»

Выполнила работу
студентка 3 курса
заочной формы обучения

Иванова Евгения Андреевна

Научный руководитель
докт. юрид. наук,
профессор

Шарапов Роман Дмитриевич

Рецензент
начальник кафедры
организации деятельности
охранно-конвойных подразделений
ОВД ТИПК МВД России,
канд. юрид. наук, доцент

Гарманов Виктор Михайлович

Тюмень
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ	8
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ	16
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМАТИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ	34
3.1. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВА ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ	34
3.2. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАЛОЛЕТНЕГО ИЛИ ИНОГО ЛИЦА, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ	36
ГЛАВА 4. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА	42
4.1. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗА УБИЙСТВА ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ	42
4.2. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗА УБИЙСТВА ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ И УБИЙСТВА СОВЕРШЕННОГО ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ	42
4.3. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОТГРАНИЧЕНИЕМ УБИЙСТВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 1 СТ. 105 УК РФ, ОТ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	66
ПРИЛОЖЕНИЕ	70

ВВЕДЕНИЕ

В переходные периоды развития государства, безусловно влекущие изменения в политической и экономической сферах страны, происходят существенные изменения криминологической обстановки, обусловленные не столько ростом преступности, сколько тенденцией к ее организованности, жестокости, оснащенности.

Вектор на групповые и особо тяжкие преступления, ставя под угрозу жизнь, здоровье, собственность граждан, дезорганизует общественную безопасность, терроризирует население, порождает чувство незащищенности, дестабилизирует деятельность предпринимательских и государственных структур.

Повышение уровня осведомленности граждан о криминогенной обстановке в стране и регионе, реакция общественности на резонансные уголовные дела, суды присяжных должны в конечном итоге стать отправной точкой уголовно-правовой реформы, направленной на пересмотр установок в трактовании принципа индивидуализации ответственности в рамках действующей системы уголовных наказаний и исправления осуждённых.

Преступлениям против жизни в науке всегда уделялось большое внимание. Не утихают споры и в современных публикациях периодических изданий, на электронных ресурсах средств массовой информации и профильных организаций, представляющих правоохранительные органы и общественные организации. Резонансными темами по предмету данной работы являются оценочные категории уголовно-правовых аспектов ответственности за квалифицированные убийства, касающиеся определения границ посягательства (рассуждения о начале и конце жизни), степени общественной опасности жестоких, общеопасных преступлений, деяний, совершенных группой лиц при их простом и организованном взаимодействии. Исследованием поставленной проблемы занимались такие авторы как: Абубакиров, Ф.М., Бабичев, А.Г., Бабичев, А.С., Бахтиаров, И.П., Безгин, В.Б., Бородин, С.В., Васильевский, А.В., Гукасян, А.А., Даль, В.И., Диваева, И.Р.,

Кабурнеев, Э.В., Комиссаров, В.С., Марогулова, И.Л., Николаева, Ю.В., Наумов А.В., Осин, В.В., Раджабов, Р.М., Редин, М.П., Решетникова, Г.А., Семернёва, Н.К., Серегина Е.В., и др.

Эмпирическую основу, помимо перечисленных источников, определили доступная на электронных ресурсах Верховного Суда Российской Федерации судебная практика по вопросам привлечения к уголовной ответственности за квалифицированные убийства, мнение Европейского суда по правам человека, отраженное, в том числе, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подзаконные нормативные акты, определяющие биологические аспекты объекта посягательства, размещенная на сайте судебного департамента при Верховном суде РФ статистическая информация ежегодных отчетов о количестве рассмотренных уголовных дел и мерах ответственности лиц.

На основе перечисленных источников автор исследования, принимая участие в обсуждениях научного круглого стола о проблемах квалификации и расследования преступлений против личности, опубликовал тезисы научных исследований по вопросам понимания особой жестокости совершаемых убийств и вопросам совершенствования законодательства, регулирующего ответственность за преступления смежных с убийством составов.

Объектом исследования стала группа урегулированных уголовным законом общественных отношений, возникающие в связи с посягательством на жизнь человека.

Предметно изучая нормативные правовые акты, научную доктрину и судебную практику, автором исследования предприняты попытки выявить отдельные проблемы квалификации убийства в разных формах соучастия, а также при множественности телесных повреждений у потерпевшего; способами, ставящими в опасность права и интересы лиц, находящимися за пределами посягательств.

Исследование проводилось с целью разработки теоретических и практических рекомендаций и предложений, которые направлены на формирование базовых основ уголовной ответственности за

квалифицированные убийства, а также совершенствование уголовного законодательства и практики его применения на основе изучения исторического развития, опыта зарубежных государств, комплексного уголовно-правового анализа проблем квалификации убийств при соучастии, особой жестокости или совершенных общеопасным способом.

Для достижения целей исследования автор поставил перед собой следующие задачи:

1. Исследовать понятие преступлений против жизни.
2. Рассмотреть классификацию преступлений против жизни.
3. Раскрыть проблемы квалификации преступлений против жизни.
4. Провести анализ судебной практики.

Исследование проводилось на основе выбранных методов анализа, синтеза, дедукции, обобщения, системного подхода, диалектического развития, правового сравнения, формальной логики, формально-юридической определенности.

Несмотря на достаточную научную разработанность выбранной темы исследования, ее научная новизна обуславливается тем, что определяя приоритетные ценности, уголовное законодательство, следуя принципам конституционного государства, стремится более полно охватить наиболее значимые объекты защиты, принимая во внимание изменения в уголовный закон, вместе с тем делает обычной практикой одновременной квалификации деяний не только по ст. 105 УК РФ, но и по другим статьям уголовного закона, ставящим под большую защиту иные, нежели жизнь, объекты, что идет вразрез непосредственному и буквальному толкованию правовой нормы статьи 17 УК РФ.

Исследуя развитие уголовно-правовой науки в основных категориях, позволяющих определить убийства как наиболее тяжкое преступление против личности, мы напрямую обращались к нормативно-правовой базе, анализируя положения Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации.

Теоретическая значимость исследования заключается в исследовании и обобщении теоретических подходов к исследованию понятия квалифицированных видов убийства в зависимости от признаков объективной стороны преступления и ответственности за него в научной литературе и практике.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных в результате исследования новых знаний при формировании тезисов о совершенствовании действующего законодательства, развитии судебной практики, повышении эффективности правоприменительной деятельности, точного применения закона в целях защиты прав и свобод граждан, гарантированных от посягательств на их жизнь.

Научные положения, полученные в результате исследования и выносимые автором на защиту, состоят в следующем:

1. Гарантируя право человека на жизнь, и защищая ее как высшее благо, закон не дает определения ее границ. Определяя жизнь как одно из наиболее сложных понятий с точки зрения естественных наук, философских воззрений, пытаясь выработать общепризнанную дефиницию, уголовное право не сможет претендовать на создание своего оригинального определения. Поэтому необходимо констатировать, что жизнь, как объект уголовно-правовой охраны, представляет из себя естественное и неотъемлемое благо, выражающееся в праве человека на существование, обеспечивающееся совокупностью существующих общественных отношений, начинающейся в процессе родов, и истекающей с необратимой гибелью клеток коры головного мозга.

2. Все составы преступлений против жизни сконструированы как материальные, поэтому место убийств в системе преступлений против жизни определяется исходя из насильственного характера преступления, противоправного и виновного поведения лица, оценки общественной опасности, способа и причинной связи деяния со смертью потерпевшего.

Для исследования системы и видов преступлений, посягающих на жизнь человека целесообразно использовать функциональный подход, позволяющий

разграничивать конкурирующие составы преступлений и более соответствующий структуре современного уголовного закона, в связи с чем, дифференцируя убийства при отягчающих обстоятельствах, относящихся к объективной стороне преступления, мы прежде всего, говорим о преступлениях, предусмотренных п.п. «д», «е», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, совершенных с особой жестокостью; общеопасным способом; группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

3. Проблемы понимания и объяснения оценочных категорий, и, прежде всего, такого явления, как жестокость, требуют решения в рамках комплексного исследования. Важны четкие критерии отграничения «простой» жестокости от «особой», и очень важно, чтобы такие критерии определял уголовный закон, поскольку это минимизирует усмотрение правоприменителя и позволит обеспечить объективность и справедливость при юридической оценке деяния.

В судебно-следственной практике нередко возникают вопросы при квалификации деяния по ч. 2 ст. 105 УК. Данный вопрос возможно и необходимо разяснять не путем легального толкования, а путем нормотворчества.

В этой связи автор выходит с предложением определения минимальной границы интенсивности действий виновного, что позволило бы определить, например, деяние как совершенное с особой жестокостью.

4. Анализ практики назначения наказания по делам об убийстве свидетельствует о том, что суды, стремясь сохранить «золотую середину», зачастую приговаривают виновных лиц к лишению свободы на срок, который не может оцениваться как справедливый. Возможно, вопрос назначения справедливого наказания мог бы решиться за счет повышения минимального предела санкции части 2 ст. 105 УК РФ.

Предметом исследования была определена структура настоящей работы, включающая в себя введение, четыре главы, заключение, список используемых источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

В конце XX века в России произошли существенные изменения во всех сферах жизни: экономической, политической, социальной, правовой и т.д. Эти изменения коснулись и преступности. В начале 90-х годов прошлого века она начала резко расти и качественно изменяться.

С фактическим появлением нового государства, ставившего в качестве приоритетов, в том числе в Конституции РФ защиту прав человека, изменялись и приоритеты уголовно-правовой защиты, на первый план выходили интересы личности.

Государство, гарантируя право человека на жизнь, защищает ее как высшее благо (ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации).

Главным правом любого человека, полагающимся ему в силу рождения, выступает естественное право на жизнь. Данное положение закреплено в рамках статьи 3 Всеобщей декларации, которая декларирует, что все без исключения люди имеют право на жизнь, личностную свободу и неприкосновенность. Разъяснение данной нормы приводится в первой части статьи 6 Международного пакта, принятого в 1966 году, посвященного вопросам определения гражданско-политических прав. Согласно ему, право на жизнь относится к категории неотчуждаемых и неотъемлемых прав, охрана которого является прямой обязанностью международных и национальных законодательств. Умышленное лишение человека жизни рассматривается как тяжкое преступление, совершение которого должно караться с соответствующей строгостью.

Для отечественного права в уголовной сфере всегда было характерным смещение акцентов на вопросы, связанные с определением ответственности за преступные деяния, связанные с убийствами. Важность данной проблематики, обуславливаемая принятием человеческой жизни как высшей ценности, определяет ответственность за нарушение рассматриваемого права, вопросам которой посвящены положения, закрепленные в рамках главы 16 УК РФ.

Приступая к изучению данного вопроса, следует определиться с пониманием определения «преступления против жизни». Это понятие, используемое в Уголовном кодексе, подразумевает весь спектр противоправных деяний, характеризующихся повышенной общественной опасностью, и направленных на основное человеческое благо, имеющее высший ценностный статус – жизнь человека. Конечным итогом совершения подобных преступлений является наступление смерти лица, в отношении которого было осуществлено преступное деяние.

Дальнейшее построение данной работы невозможно без анализа точек зрения, сложившихся в юридической литературе относительно решения вопроса о границах жизни: её начале и конце.

Так, Абдулмуслимова Л.Г. связывает начало жизни с моментом физиологических родов, то есть с началом процесса выхода плода из утробы матери [Абдулмуслимова, с. 245].

По мнению Лобко К.А. и Зайцевой А.М. началом самостоятельной жизни считается начало дыхания. Попытка лишить жизни ребенка, родившегося мертвым, по мнению Лобко необходимо квалифицировать как покушение на негодный объект [Лобко, с. 122; Зайцева, с. 33].

Если отталкиваться от текста нормативных актов, то существование личности неразрывно связано с реализацией ее прав и свобод в государстве. К примеру, статья 17 Конституции РФ предусматривает, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Следовательно и жизнь как объект защиты констатируется моментом рождения.

Интересно, в этой связи, иное понимание общественно-защищаемого блага, например, в Американской конвенция о правах человека, которая провозглашает право на уважение жизни человека с момента зачатия [Права человека, с. 143].

Определяя жизнь как одно из наиболее сложных понятий с точки зрения естественных наук, философских воззрений, пытаюсь выработать

общепризнанную дефиницию, уголовное право не сможет претендовать на создание своего оригинального определения.

Так или иначе, определяя посягательство на жизнь как преступное, мы, помимо прочих критериев, обращаемся к нормативному определению момента начала жизни.

Часть 1 статьи 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет начало жизни моментом отделения плода от организма матери посредством родов.

В Приказе Минздрава России от 4 марта 2003 г. № 73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» указано, что жизнь человека начинается с физиологических родов.

Поскольку объектом убийства является жизнь, необходимо, чтобы человек, в отношении которого осуществляется посягательство, во время него был жив, т.е. уже родился и еще не умер.

Имеющиеся концепции определения начала жизни человека сводятся к рассуждениям о живорождённости человека.

Приказ Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдаче» определяет медицинские критерии живорождения. Живорождением признается момент отделение плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 граммов и более (или менее 500 граммов при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана ли пуповина и отделилась ли плацента).

Упомянутые признаки важны для установления юридического факта

рождения ребенка и констатации его живорождения. Иные обсуждения момента начала жизни, на наш взгляд, излишни, поскольку именно такой точки зрения придерживается современный законодатель.

Еще большую сложность вызывает определение конечного момента жизни, говоря о котором и наступления биологической смерти, стоит отметить, что большинство авторов признают смертью – прекращение дыхания и сердцебиения.

Важно, что биологической смерти предшествует клиническая смерть, продолжающаяся на протяжении пяти-шести минут, которая, в свою очередь, характеризуется прекращением дыхания и остановкой деятельности сердца, нарастанием кислородного голодания всех органов и тканей, а затем их гибелью [Гладких, Курчеев, с. 166].

Для клинической смерти характерно то, что жизни больше нет, но нет еще и смерти. В настоящее время большинство ученых и практических работников сходятся во мнении, что жизнь заканчивается не ранее наступления биологической смерти, момент которой определяется законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», считающим моментом смерти «необратимую гибель всего головного мозга».

В научной доктрине выделяют несколько аспектов, используемых для трактовки понятия жизни:

– с биологической точки зрения под жизнью подразумевается форма существования организма, характеризующаяся постоянным обновлением и ростом, вызванным деятельностью белковых тел;

– с психологической точки зрения под жизнью подразумевается совокупность различных психических явлений, формирующих в результате определенных процессов личность и ее психику;

– с социальной точки зрения под жизнью подразумевается взаимодействие, осуществляемое между обществом в целом и отдельным его представителем в частности;

– с точки зрения уголовного права жизнь является в качестве непосредственного объекта, подлежащего законодательной охране.

Причинение вреда здоровью – понятие, объединяющее ряд преступлений, различающихся между собой как по форме вины, так и по обстоятельствам, а также по степени наступивших последствий (статьи УК РФ): ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью); ст. 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью); ст. 113 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта); ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью); ст. 116 (побои); ст. 117 (истязание); ст. 118 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности).

В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 522 от 17.08.2007 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды.

Признак «вред здоровью», которым оперирует законодатель, неоднозначен в своем понимании. «Здоровье есть состояние нормального функционирования органов и систем организма человека, проявляющееся в его физическом и психическом благополучии и обеспечивающее ему жизнедеятельность и социальную активность» [Коновалов, с. 121].

Психическое отклонение является условием, совершения убийства с особой жестокостью. Такое представление сложилось в нашем обществе о преступнике, касаясь данного вида преступлений. Некоторые ученые утверждают, что совершить такой вид преступления, способен только человек с явными психическими отклонениями, независимо от того, временные они или хронические. Такая категория лиц имеет глубокие психологические травмы с нарушенной социально-психологической адаптацией. Но данный вид мнений, также опровергаются другими учеными [Ишкова, 105].

По мнению С.В. Дубовиченко, не существует никаких отличий между психически здоровыми людьми и психически больными, при совершении убийства с особой жестокостью, т.к. особые страдания потерпевшего наблюдаются одинаково, как здоровым человеком, так и больным [Дубовиченко, 23]. Т.В. Моисеева отмечает, что тягой к преступлению, способствует положение общества в нашей стране, психически здоровые и психически больные граждане одинаково прочувствуют складывающиеся отношения [Моисеева, 54].

Зарубежные ученые, изучая социальную обусловленность уголовно-правовой нормы об ответственности за совершение убийства с особой жестокостью, придерживаются теории деструктивности. Деструктивность (разрушительность) представляет собой свойство личности, которое характеризуется негативностью, агрессивностью к самому себе и к окружающему миру. Данный типаж людей пытается возвысить себя за счет унижения и жестокости других лиц. При выявлении причин деструктивности, ученые пришли к выводу, что она проявляется из-за неуверенности в себе, душевного стресса, одиночества, апатии, скуки, невозможности реализовываться, пассивного поведения и так дальше.

Лица, злоупотребляющие алкоголем, отличаются пониженной сопротивляемостью к психическим перегрузкам, слабой стрессоустойчивостью, тягой к конфликтам, а также злобностью и импульсивностью. Состояние алкогольного опьянения является своего рода стимулирующим фактором, поскольку в таком состоянии человек, как правило, ведет себя неадекватно, преувеличивает значение той или иной ситуации, создавая тем самым благоприятную почву для ревности, мести, обиды. Именно состояние алкогольного опьянения, как правило, бывает одним из условий, способствующих совершению преступлений с особой жестокостью [Омельченко, 21].

Зарубежные ученые из Вашингтонского университета проводили немалое количество опытов, с помощью которых они хотели определить влияние

алкоголя на состояние человека. Опыты проводились с двумя группами студентов университета. Одной группе ученые сказали, что они выпьют обычный газированный напиток, но на самом деле подмешали в него спирт, а другой группе ученые действительно дали напиток с содержанием спирта и они это знали. После того, как студенты выпивали свои напитки, с ними контактировал помощник ученых и пытался вывести их на агрессию. Результаты превзошли все ожидания. Студенты, которые думали, что пьют обычную газировку не поддавались провокации и вели себя как обычно, а другая группа, зная, что они выпивают напиток с содержанием спирта начинали себя агрессивно вести.

Также фактором роста числа преступлений против личности, совершенных с особой жестокостью, является и изменение моральных устоев общества. Перемена ценностных ориентаций населения, внезапное снижение нравственных устоев в обществе и сокращение требований к образцам социального поведения считаются фактором совершения многочисленных сексуальных преступлений.

Ресурсы общественных данных демонстрируют контент со сценами физиологического и психологического насилия, проявлениями жесткости, в связи с чем, насилие становится обычным и ясным для общества.

Во-вторых, понятие «здоровье» способствует раскрытию объекта преступления, поскольку является благом, обеспечивающим нормальную жизнедеятельность человека.

Вред здоровью имеет количественную и качественную характеристики [Коновалов, с. 60].

Количественная характеристика предусмотрена УК РФ и представляет собой тяжкий вред здоровью, средней тяжести и легкий вред здоровью. Уголовный кодекс (ст.ст. 111, 112, 113, 114, 115, 119 УК РФ) устанавливает ответственность за умышленное и неосторожное причинение вреда здоровью – тяжкого, средней тяжести, легкого, в том числе совершенных в состоянии аффекта или в результате превышения пределов необходимой обороны либо

при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Рассматривая качественную характеристику, т.е. характер причиненного вреда здоровью на основании действующего законодательства, мы можем выделить следующие формы причинения такого вреда: телесное повреждение, заболевание, патологическое состояние, физическая боль, физические страдания, психические страдания.

Подводя итог, отметим, что жизнь, как объект уголовно-правовой охраны, представляет из себя естественное и неотъемлемое благо, выражающееся в праве человека на существование, обеспечивающееся совокупностью существующих общественных отношений, начинающейся в процессе родов, и истекающей с необратимой гибелью клеток коры головного мозга.

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

В действующем законодательстве преступления, где непосредственным объектом посягательства выступает жизнь человека, расположены в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности». В общей системе преступлений против жизни, предусмотренных главой 16 УК РФ, можно выделить три подсистемы:

1. убийства (ст.ст. 105-108 УК РФ);
2. причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ);
3. преступления, связанные с доведением до самоубийства (ст.ст. 110-110.2 УК РФ).

Рассматривая специфику данного вопроса, стоит подчеркнуть, что ключевым неотъемлемым признаком преступных деяний, направленных против человеческой жизни, выступает обязательное наступление для потерпевшего смертельного исхода. Именно на этом критерии основывается состав преступлений, относящихся к данной категории, позволяющий квалифицировать их в качестве материальных деяний, для которых характерно наличие нескольких ключевых признаков:

- совершение действия либо умышленное бездействие;
- опасность последствий, наступивших в результате совершения преступления;
- наличие причинно-следственной взаимосвязи между действием (бездействием) и наступившими последствиями, позволяющей квалифицировать данный акт как правонарушение.

Ключевым признаком этих преступлений является факт наступления смерти человека, то есть причинение вреда такому охраняемому благу как жизнь человека. В связи с этим все составы преступлений против жизни сконструированы как материальные. Обособление системы преступлений против жизни, определение в ней места убийствам, позволит в дальнейшем их классифицировать, определить вопросы разграничения смежных составов и проблемы совершенствования норм уголовного законодательства,

регламентирующих ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах.

Первая категория включает в себя такой вид преступных деяний, как убийство, под которым подразумевается умышленное совершение действий, результатом которых стала смерть потерпевшего. В соответствии с положениями УК РФ, все убийства, в зависимости от обстоятельств совершения, могут быть разделены на несколько разновидностей:

- простое убийство;
- квалифицированное убийство (характеризуется наличием факторов, относящихся к отягчающей категории);
- привилегированное убийство (характеризуется наличием факторов, относящихся к смягчающей категории).

Анализ судебной практики показывает, что преступные деяния первой группы, характеризующиеся наличием дополнительных смягчающих или отягчающих факторов, как правило, осуществляются в рамках конфликтных ситуаций, имеющих под собой бытовые основания – драки, ссоры, ревность, личностные конфликты и т.д. Фактическим поводом для убийства становится конкретная жизненная ситуация, формирующая определенную разновидность взаимоотношений, складывающихся между убийцей и жертвой, а также определяющая специфику их взаимного поведения [Бывальцева, с. 70].

Отличием преступлений второго вида является наличие специфических признаков, определяющих характер совершенного деяния как более тяжкий с точки зрения общественной опасности, и предусматривающих более строгую ответственность за его совершение.

Убийства привилегированного рода по своей специфике расцениваются как менее опасные, что, с одной стороны, не отменяет обязательного привлечения к уголовной ответственности, но в то же время позволяет рассчитывать на более мягкий приговор.

Вторая категория преступлений, объектом которых выступает жизнь, включает в себя все виды деяний, в рамках которых смерть стала причиной

неосторожности виновного. По сути, подобные действия отличаются отсутствием преднамеренного умысла, и являются следствием халатности или пренебрежительного отношения к каким-либо процессам, повлекшим за собой смертельный случай.

К третьей категории относятся преступные деяния, результатом совершения которых стало доведение жертвы до совершения суицида. Данный спектр преступлений предусматривает комплекс систематически осуществляемых жестоких действий, включающих в себя преследование, унижения, угрозы и третирование личности, в результате которых происходит психологический надлом, и потерпевший принимает самоубийство в качестве единственно возможного выхода. В сравнении с первыми двумя категориями, число подобных преступных деяний относительно невелико. Это обуславливается сложностью доказывания того факта, что решение об уходе из жизни было принято жертвой именно в результате целенаправленных действий обвиняемого, а не по собственному желанию. В данной сфере очевидной видится необходимость оптимизации используемых правовых инструментов и механизмов, которая позволила бы повысить эффективность следственной и судебной деятельности [Артюшина, с. 135].

Убийство, совершенное с особой жестокостью, является квалифицированным признаком преступления, который усиливает уголовную ответственность. Убийство само по себе является проявление жестокости, а выбранный способ виновным лишения жизни потерпевшего с особой жестокостью, то есть причинением жертве перед смертью психических и физических страданий, является крайним проявлением жестокости субъекта преступления. Квалификация данного состава представляет определенные сложности для правоприменителей. Если цель виновного убить, а не причинить особые страдания, перед смертью, то этот признак не может говорить об особой жестокости. Не всякое убийство, в ходе которого потерпевшему было нанесено большое количество ранений, можно признать совершенным с «особой жестокостью». Это обусловлено тем, что при совершении убийства большое

количество ранений преступник мог нанести, прибывая в состоянии возбуждения, пытаясь довести до конца задуманное деяние, а множественность ранений могла быть спровоцирована сопротивлением жертвы и другими причинами. Признак субъективного характера говорит об отношении виновного к выбранному способу совершения преступления. Когда цель субъекта не смерть потерпевшего, а причиненные пред смертью особые страдания, как физические, так и моральные. Субъект должен понимать, характер способа, который он избрал для причинения смерти. Не всегда и не в полной мере участниками уголовного процесса учитывается субъективное отношение виновного к выбранному способу преступления. Что может привести к вынесению несправедливого приговора. Проблема заключается в отсутствии единого подхода к пониманию содержания субъективной стороны рассматриваемого преступления. Для вменения анализируемого квалифицированного состава недостаточно объективных признаков, необходимо также брать во внимание субъективное отношение к особой жестокости.

С одной стороны, отсутствие трактовки понятие освобождает норму от перегруженности, делая ее простой, а с другой стороны, создает проблемы правоприменителю при квалификации данного состава.

Законодатель относит установление понятия «особой жестокости» к компетенции следственных органов и суда. В каждом конкретном случае прокурор, следователь, судья при толковании особой жестокости должны основываться нормами морали и нравственности, принятыми в обществе. Однако, уровень профессиональной подготовки, правового и нравственного сознания у всех индивидуален. Неверная оценка заявленного понятия приводит к проблемам объективного вменения данного состава преступления.

В целях единообразного применения уголовно-правовых норм с оценочными понятиями. При квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью, правоприменитель должен обращаться к разъяснениям высшего судебного органа. Проанализировав пункт 8 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», мы пришли к выводу, что перечисленные в постановлении различные формы жестокости, не способствуют правильной квалификации. Суд не определяет понятие, а дает лишь некоторые критерии, совокупность признаков, которые свидетельствуют об убийстве, совершенном с особой жестокостью.

Таким образом, особая жестокость является оценочным понятием, определение, которого ставит много вопросов перед участниками уголовного процесса. Проблема заключается в том, что в уголовной науке и практике отсутствует единый подход к пониманию заявленной оценочной категории. Перечисленные в Постановлении различные формы жестокости, не способствуют правильной квалификации. Неверная оценка понятия приводит к проблемам объективного вменения данного состава преступления. А также препятствует формированию единой судебной практики.

Особая жестокость является квалифицированным признаком преступления, который влияет на меру и размер наказания.

Правоприменитель редко обращает внимание на субъективную сторону, он сосредоточен на доказывании объективных признаков преступления. Для вменения пункта «д» части 2 статьи 105 УК РФ одних объективных признаков недостаточно. Необходимо выработать единый подход в понимании содержания субъективной стороны преступления, что поможет уменьшить ошибки, допускаемые в судебной практике.

В последние несколько десятилетий наметилась явная тенденция к увеличению числа преступлений, относящихся к различным категориям убийств, совершаемых женщинами. Традиционно считается, что подавляющее большинство преступных деяний осуществляется мужчинами, тогда как женская преступность не оказывает решающего влияния на общую криминогенную обстановку. В то же время анализ рассматриваемой проблемы наглядно демонстрирует, что в последние годы в данной сфере наметился явный тренд на ожесточение совершаемых деяний, а также и приобретение

организованного характера. Заметна тенденция к росту количества преступлений, совершаемых против несовершеннолетних, а также увеличение доли преступных деяний, характеризующихся наличием отягощающих обстоятельств.

Женское преступное поведение всегда, даже в большой мере, чем мужское преступное поведение, вызывало и вызывает негативную оценку со стороны граждан и общества в целом. В первую очередь это касается наиболее опасных, особо тяжких преступлений, например, убийства. Женщина является продолжателем человеческого рода, матерью, и лишение ею жизни другого человека всегда воспринимается негативно.

Как правило, женщины совершают следующие виды убийств:

1. убийство (ст.105 УК РФ);
2. убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК РФ);
3. убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ);
4. убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ).

Ученые отмечают, что семейно-бытовое преступление – это преступление, совершенное в местах выполнения бытовых функций, во внерабочее время лицом, руководствующимся мотивом личных отношений с потерпевшим в связи с участием сторон в бытовых отношениях, и наносящее ущерб личности или нарушающее общественный порядок.

Не редки случаи убийств, совершаемых женщинами при превышении пределов необходимой обороны, ответственность которых предусмотрено ст. 108 УК РФ.

Чисто женским преступлением является преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка. Ежедневно в стране совершается около 100 таких преступлений.

Однако, как отмечает Л.И. Мурзина, не отражают реальной действительности совершаемых детоубийств. Подтверждением неполного

статистического учета уровня убийств новорожденных могут служить факты обнаружения мертвых младенцев на улицах, в мусорных контейнерах, в лесопилках и прочих местах.

В первую очередь работники правоохранительных органов, обнаружив труп новорожденного, не всегда спешат возбудить уголовное дело и провести расследование. Трупы новорожденных достаточно часто на момент их обнаружения находятся в таком состоянии, что причину смерти установить судебно-медицинский эксперт просто не может. Латентность высока, примерное соотношение 1:10 [Мурзина, с. 12].

Также, некоторые авторы к рассматриваемой категории преступлений, совершаемых женщинами относят и преступное деяние, предусмотренное статьей 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности».

Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. ч. 2, 4 ст. 56) установлено, что искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и согласия женщины – независимо от срока беременности.

К условиям правомерности производства данной операции относятся: производство только в медицинских учреждениях, имеющих соответствующую лицензию; выполнение только врачами акушерами-гинекологами; наличие информированного согласия женщины; соблюдение специальных условий (стерильности, безопасности и т.п.).

В то же время действующая редакция статьи 123 УК РФ в качестве криминообразующего предусматривает только один признак: проведение данной операции лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Такой подход игнорирует требования медицинских документов в рассматриваемой области, нарушает принципы

равенства, справедливости и гуманизма, препятствуют назначению справедливого и обоснованного наказания.

Представляется, включение данного преступления в категорию преступлений против жизни, совершенных женщинами, в настоящее время преждевременно. Существуют правовые проблемы, связанные с искусственным прерыванием беременности, например, отсутствие в отечественном законодательстве правового статуса эмбриона, нет ответа на вопрос – считается ли изгнание плода – лишением жизни. Соответственно вопросов пока больше, чем ответов.

Особый научный интерес для более подробного исследования и характеристики представляют убийства, совершенного с особой жестокостью, а также убийства из корыстных побуждений, что соответствует теме данной работы.

Российское уголовное законодательство определяет убийство, как причинение смерти другому человеку [Боженко, с. 46].

Смерть с точки зрения уголовного права, это момент утери человеком всех его приобретенных на протяжении жизни прав в соответствии с Конституцией РФ от рождения до наступления фактической смерти. После определения момента утери права на жизнь стоит перейти к определению понятия «убийства».

В уголовном праве существует несколько видов убийств: простое, с отягчающими обстоятельствами и привилегированное.

Рассмотрения понятия «убийства» как состава преступления ставит необходимость определения объекта и субъекта преступления и объективной и субъективной стороны преступления. Следственно родовым объектом «убийства» являются такие общественные отношения, которые направлены на охрану личности. В литературе по уголовному праву говорится о том, что с позиции уголовно-правовой охраны личности, её прав и свобод следует согласиться с имеющимся в научной литературе мнением, что понятия

«личность» и «человек» тождественны, равнозначны, между ними нет никаких различий [Ляпунова, с. 49].

Объект является общим признаком для всех видов убийств и объединяет все виды в одну группу. Жизнь человека – являются государственной и социальной ценностью, а человек и его права являются высшей ценностью задача уголовного права и других людей оградить и противостоять посягательству на жизнь человека.

Человек одна из основных составляющих общества и его жизнь не может существовать, в первую очередь складывается из общественных отношений. Таким образом, делается вывод что «убийство» является не только посягательство на жизнь человека, но и посягательством на общественные отношения. При совершении такого рода посягательства незамедлительно происходит реакция общества и все это сказывается на общественном спокойствии, а также на стоит понять, что это посягательство на нравственные и моральные устои. Человеческая жизнь как объект, в отличие от преступлений другого вида не поддается качественной или количественной оценке.

Из этого следует, что важнейший принцип уголовно права и уголовного законодательства является равная защита каждого гражданина. При этом не имеет значения физическое и материальное состояние человека в обществе и его социальная принадлежность, а также возраст, пол и др.

Также законодательство РФ не является сторонником лишения жизни больного человека состояние здоровья, которого оценивается как тяжелое, даже при наличии согласованности с этим человеком.

Объективной стороной такого преступления как «убийство с особой жестокостью» является лишение жизни другого человека, но все же не может быть единой в связи с тем, что особенности совершения такого деяния не однозначны, следовательно, и признаки стоит рассматривать самостоятельно.

Убийство как законченное преступление может совершаться различными способами, действием (нарушение нормальной работы организма человека и всех его органов, а также изменение анатомической целостности внутренних

органов) или бездействием (оставление человека без надлежащего ухода, присмотра или в условиях не совместимых с жизнедеятельностью человека, когда виновный заранее знает о беспомощном состоянии пострадавшего).

Также стоит отметить, что убийство с особой жестокостью может сопровождаться и с психическим воздействием, такими как наличие при совершении преступления родственников потерпевшего. Также виновный доводит потерпевшего до такого психологического состояния, когда жертва находится в безысходном состоянии или же чаще безвыходной ситуации тем самым понуждая и провоцируя жертву на самоубийство.

Чаще всего убийство такого рода осуществляются действиями, направленными на нарушение функциональности организма, а также на нормальную работу внутренних органов человека, также может сопровождаться с применением оружия, предметов и веществ, применение которых к потерпевшему может нанести большое количества повреждений несовместимых с жизнью и заведомо исключает оказание какой-либо помощи пострадавшему. Также может сопровождаться с сожжением, избиением руками и ногами, отравлением либо же удушением и со смежными такому роду совершения преступления понятиями.

Наказание за совершение убийства с особой жестокостью предусматривает п. «д» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса России. Данный способ совершения преступления является признаком, отягчающим ответственность за убийство. Осознание лицом, совершившим преступление с особой жестокостью, необходимо для полной квалификации содеянного.

На сегодняшний день формально закрепленного определения особой жестокости нет, как в законодательстве, так и в научной литературе.

Многие ученые относят понятие особой жестокости к оценочным, в силу того, что нигде нет его закрепления. Ряд авторов высказываются, что оценочные понятия в законодательстве должны быть сведены к минимуму. Законодатель использует особую жестокость как одно из обстоятельств отягчающее наказание (пункт «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Несмотря на это,

содержательные компоненты данного понятия, существенные признаки не определены.

Оценочные понятия, в подавляющем большинстве, в аспекте правоприменения опираются на субъективное усмотрение, исходят из правосознания, ценностных установок судьи, следователя в рамках конкретного уголовного дела. Это значит, что повышается вероятность проявления не только положительных качеств профессиональной подготовки, но и отрицательных, низкого нравственного сознания, которые не только носят сугубо индивидуальный характер, но и могут кардинально различаться. [Меньшикова, с. 17].

Долголенко Т.В. отмечает, что п. «д» ч. 2 статьи 105 УК РФ должен отличаться экстраординарной степенью жестокости [Долголенко, с. 31]. Согласно суждению Ткаченко В.В. особая жестокость характеризуется мучениями, т.е. продолжительными болями, которые человеку достаточно сложно стерпеть, сильные страдания, причиняемые именно физическим путем, обладающие пониманием человека безнадежности, страха, отчаяния и тревоги [Ткаченко, с. 14]. По мнению Павалаки А.Д. особая жестокость подразумевает под своими действиями пытки, страдания, мучения, истязания и другие похожие по своему характеру действия, наносящие физические, психические и иные страдания человеку, находящемуся при жизни [Павалаки, с. 429]. Сальникова Е.И. утверждает, что убийство с особой жестокостью имеет большую необходимость отличаться исключительной степенью жесткости [Сальникова, с. 5].

Законодатель не раскрывает термина «особая жестокость». Именно поэтому в литературе словосочетание особая жестокость относится к оценочным понятиям уголовного права. В силу того, что понятие «особая жестокость» носит оценочный характер, это создает большую сложность для квалификации данного вида деяний. В научной литературе неоднократно ведутся обсуждения многих спорных вопросов их юридической оценки [Дуберштейн, с. 27].

Как отмечает Л.Л. Кругликов, особая жестокость – преобладает над жестокостью, которая присуща любому насильственному преступлению. В связи с этим представляется, что особая жестокость в отличие от обычной жесткости, которая оценивается как беспощадность, истязания, причинения боли, обладает дополнительными признаками [Кругликов, с. 66].

Часто, о проявлении жестокости может свидетельствовать нанесение потерпевшему множества ран, но не стоит забывать, что множественность ранений сама по себе, не всегда является проявлением особой жестокости. В данной ситуации необходимо установить умысел, который направлен на причинение потерпевшему особых физических страданий.

Следует отметить, что особая жестокость относится не только к правовому понятию. При установлении данного понятия, следственные органы, прежде всего, руководствуются нормами морали и нравственности. Исходя из этого, необходимо отметить, что понятие особой жестокости относится еще и к этическим понятиям.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается: «Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо-для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение потерпевшему большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т. д.). Особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания».

Необходимость законодательного закрепления определения особой жестокости объясняется тем, что зачастую обычную жестокость принимают за особую жестокость.

Серегина Е.В. предлагает понимать под особой жестокостью действия (бездействия) причиняющие потерпевшему физические страдания, также лишения человека физиологических потребностей, а именно еды, воды, воздуха, сна и другие действия, которые способны значительно повлиять на состояние человека [Серегина, с. 22].

Исходя из всего вышесказанного, существенным в определении понятия «мучения», выступает то, что результатом указанных действий выступают страдания.

Вместе с тем, категория «мучения» может использоваться не только как процесс целенаправленного поведения человека, но и как специфический результат испытываемого потерпевшим на себе воздействия. Особые страдания и мучения в этом смысле рассматриваются как предельно экстремальное психофизиологическое состояние потерпевшего, одновременно сочетающее в себе болевые импульсы и душевно-нравственные переживания. В этом плане мучения и страдания зачастую перечисляются как равнозначные категории. В толковом словаре русского языка данные понятия раскрываются исключительно как равнозначные, взаимозаменяемые: мучение – это мука, страдание, страдание – это физическая боль, мучение. [Ожегов, с. 305].

Подобное терминологическое разнообразие синонимичных понятий, лишь утяжеляет текст уголовного закона, создавая возможность правоприменителю произвольно их толковать, что, естественно, недопустимо. В связи с чем, при определении особой жестокости указание на «мучения» как на результат преступного поведения будет излишним. Подобный подход позволит более четко расставить акценты на деяние как процесс человеческого поведения (мучение как действие) и последствие такого воздействия (страдание как результат мучений) [Меньшикова, с. 18].

Однако в настоящее время понятие особая жестокость не конкретизируется законодательством. Для того чтобы избежать неоднозначности данного понятия, на наш взгляд, необходимо дополнить

статью 105 УК РФ примечанием, в котором будет раскрываться понятие особой жестокости.

Рассмотрим далее убийства, совершенные из корыстных побуждений. В понятии «корыстные побуждения», слово корысть является основным, центральным и определяющим, при назначении уголовного наказания за совершенное преступление.

В словаре Ожегова С.И. под корыстью понимается выгода, либо материальная польза [Ожегов, с. 299]. Если обратиться к словарю В. Даля, то в нем мы видим следующее определение: корысть представляет собой страсть к приобретению или наживы, жадность к деньгам, а также захвату богатства [Даль, с. 437].

Если обратиться к уголовному праву, то термин корысть имеет иное значение, нежели в лингвистических словарях. Итак, А.А. Жижиленко отмечает, что корысть как правило заключается в наживе либо незаконном приобретении иных материальных благ, но также и совершение убийства за определенную плату, либо для совершения ограбления. Данный автор, также под корыстными побуждениями, понимает убийство с целью получения наследственной массы, убийство беременной женщины, т.е. нежелание воспитывать ребенка. В последнем случае, мы видим, что приобретение какой-либо выгоды не обязательно [Жижиленко, с. 20].

Идентичного мнения придерживается и Шаргородский М.Д., корысть подразумевает получение любого рода материальной выгоды, это денежные средства, недвижимость, наследство и многое другое. Если убийство совершается за обещанное вознаграждение, и желание избавиться от уплаты своего долга третьему лицу [Шаргородский, с. 174].

Верховный Суд РФ в своем постановлении «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» в 1992 году, указал, что, назначая наказание по п. «а» ст. 102 УК РСФСР, суд должен руководствоваться тем, что под корыстью необходимо понимать действия, направленные на получение материальной выгоды, а также его дальнейшего избавления от нее, тем самым вернувшись к

ранее данному толкованию данного понятия. Суд в своем постановлении отметил, что виновное лицо, совершая такое убийство, преследует не только личную выгоду, но и получение материальной выгоды для третьих лиц.

Исследование нами дальнейших Пленумов ВС РФ показало, что данное определение воспроизводилось в них дословно, и на сегодняшний день суды пользуются именно им.

Как мы видим, понятия «убийство, совершенное из корыстных побуждений» начиная с 1960 года по сегодняшний день, практически не изменилось.

Верховный Суд РФ указал, что корысть при убийстве может иметься в двух случаях: получение материальной выгоды; избавление от материальной выгоды.

Если обратиться к учебникам и научным работам по уголовному праву, то понятие корысть при убийстве трактуется авторами по-разному. Больше количество ученых в области уголовного права, полностью поддерживают позицию Верховного Суда РФ относительно «убийства совершенного из корыстных побуждений».

По мнению С.В. Бородин, под корыстью следует понимать материальную выгоду во всех ее смыслах. Корысть при совершении убийства, представляет собой не только получение материальной выгоды, но избавления от данной выгоды в будущем [Бородин, с. 134].

А.В. Наумов не согласен с данным автором в части понимая корысти в самом ее широком смысле, и предлагает свое определение: «Корысть представляет собой побуждение лица в дальнейшем совершить низменный поступок, с целью получения определенной материальной выгоды, посредством хищения, убийства, и многое другое», где полученные материальные блага виновное лицо ставит превыше иных благ, включая жизнь человека. С этим и состоит общественная опасность убийства совершенного из корыстных побуждений [Наумов, с. 27].

Изучив позиции данных авторов, мы не заметили существенных отличий относительно понятий корысти при совершении убийства. Их формулировки

практически полностью дублируют позицию Верховного Суда РФ. Но имеются и авторы, трактующие понятие корысти при совершении убийства более прямолинейно, нежели Верховный Суд РФ. По мнению С. Абельцева говоря о корысти, необходимо учитывать его намерения лица еще на подготовительной стадии его совершения, но никак ни о мотиве. По данным указанного автора, в 50 процентах случаях, в конечном итоге мотивом совершения убийства выступали ненависть, зависть, неприязнь к потерпевшему и многое, что и послужило совершить убийство их корыстных побуждений. Как мы видим, корысть возникает еще на начальной стадии совершения убийства. Корысть и ее начало, проявляются уже к какой-то степени, пусть даже совсем незначительной, практически в 80 процентах во всех совершаемых убийствах. При этом, данный автор говорит, суд вынося обвинительный приговор, должен в нем в обязательном порядке отразить сам факт корыстного начала, хотя мотивом может выступать и месть [Абельцев, с. 30].

Позиция данного автора вызывает некоторые возражения. Так, признавая убийство квалифицированным, основанием могут выступать, либо корысть, либо месть, либо хулиганские побуждения и т.д. Исходя из мышлений С. Абельцева, то можно заключить, что в основе совершения убийства, у преступника лежит стремление удовлетворить свои потребности за счет других людей, что не является правовым основанием для квалификации убийства. Так, если придерживаться логики рассматриваемого нами автора, то она подходит к совершению любого преступления, которые имеется в Особенной части УК РФ.

В теории уголовного права имеются и более узкие понятия относительно убийства совершенного из корыстных побуждений. Однако такие понятия подверглись жесткой критики со стороны В.А. Наумова, особенности в части совершения убийств, если они совершены не с целью получения материальной выгоды, а для ее дальнейшего удержания, и такие преступления не являются корыстными [Наумов, с. 26]. Как нам представляется, критика данного автора являются обоснованной.

Итак, анализ уголовно-правовой литературы позволяет нам сформулировать свое понятие корысти при убийстве. Итак, под убийством, совершенным из корыстных побуждений следует понимать желание и стремление виновного лица приобрести материальную выгоду и в дальнейшем ее удержать для собственного пользования ил для лиц, где преступное деяние преследовало определенные цели. При этом следует иметь ввиду, что не важно, законно или нет приобретались, или отчуждались материальные блага.

По мнению В.Г. Беляева и Н.М. Свидлова, отмечают, что если говорить о совершении убийства с целью занять более высокий профессиональный пост, или более высоко оплачиваемую должность, то такое убийство не подлежит квалификации как корыстное. В свои аргументы они приводят следующее: в данной ситуации мотивом преступления будет выступать так называемый «карьеризм», так как получив высокую хорошо оплачиваемую должность, соизмеряется только качеством выполняемой работы, а что касается корысти, то это незаконное обогащение, иными словами получение денежных средств без конкретного указания суммы. Несмотря на это, совершение убийства из-за карьеры, так является низменным побуждением, но не может быть квалифицировано как убийство, совершенное из корыстных побуждений [Беляев, Свидлов, с. 19].

Стремление подняться по карьерной лестнице, все подразумевает под собой получение высокой заработной платы, и иных материальных благ. Тогда возникает вопрос относительно того, почему данное убийство нельзя считать корыстным.

Если комментировать мнение указанных авторов, ты мы не можем с ними согласиться, так как лишение жизни другого человека ради продвижения по карьерной лестнице и получения высокой заработной платы, всегда имеет под собой корыстную цель.

Аналогичную нашей позиции, занимают такие авторы как В.В. Сташис и М.И. Бажанов, признающие совершения убийства с целью продвижения по карьерной лестнице, корыстным [Сташис, Бажанов, с. 23].

Подводя итог изложенному в настоящем параграфе, можно сформулировать следующий вывод. Преступные деяния, объектом которых является жизнь человека, совершаемые представительницами женского пола, представляют собой совокупность преступлений, обобщенных не только по признаку объекта, но и по криминологической специфике, характеризующей посягательство, включающей в себя основные характеристики преступления, такие как место, время, избранный для осуществления способ, а также мотивы и личностные особенности совершителей.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМАТИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

3.1. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВА ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Исследуя вопросы квалификации убийств, правоприменитель исходит из того, что их верная квалификация обеспечивается не только правильным применением уголовно-правовых норм, но и строжайшим соблюдением требований закона. По мнению С.В. Бородина: «Необходимо соблюдение ряда условий общего характера, которые, разумеется, не являются специфическими только для них. К числу таковых относится: установление всех обстоятельств совершенного преступления и данных о личности виновного; оценка каждого обстоятельства совершенного преступления в отдельности и всех их в совокупности; применение уголовно-правовой нормы в соответствии с ее точным смыслом» [Бородин, с. 159.].

Количество деяний, квалифицированных судом как убийства без смягчающих обстоятельств значительно превышают по объему иные посягательства на жизнь.

Основные причины изменения квалификации действий подсудимых по делам рассматриваемой категории связаны с недостатками при расследовании уголовных дел.

Как правило, это обусловлено неправильной квалификацией действий осужденных, связанной с неверным толкованием уголовного закона органами предварительного следствия, или отсутствием доказательств, подтверждающих те или иные эпизоды преступной деятельности, либо свидетельствующих о наличии в действиях подсудимого того или иного квалифицирующего признака.

При детальном изучении дел выявлено, что наибольшую сложность при квалификации у органов следствия вызывают квалифицирующие признаки

убийств – «с особой жесткостью», что, так или иначе, выразалось в переквалификации деяний судом.

Как правило, признак совершения убийства с «особой жесткостью» вменяется органами следствия в связи с причинением потерпевшим значительного числа телесных повреждений. Однако при этом не учитывается, что в соответствии со сложившейся судебной практикой, в т.ч., с учетом постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве», наличие указанных обстоятельств является недостаточным для того, чтобы квалифицировать действия по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Нередко ошибки возникают при квалификации действий виновных по признаку «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». В результате проведенного анализа причин возвращения уголовных дел рассматриваемой категории в порядке ст. 237 УПК РФ, установлено, что, принятие судом подобных решений обусловлено, существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными при расследовании уголовных дел, которые препятствуют рассмотрению дела по существу.

Так, по уголовному делу по обвинению Горбатова, Ащеулова, Завьялова и Ратушной, в обвинительном заключении были неверно указаны роли участников разбойного нападения. Согласно предъявленному обвинению Завьялову было поручено вести наблюдение за окружающей обстановкой, непосредственно же насилие в отношении потерпевшей применяли Горбатов и Ащеулов. Однако в обвинительном заключении было указано, что телесные повреждения причинены потерпевшей действиями Завьялова, а не Ащеулова. При обжаловании постановления суда данное нарушение признано судом кассационной инстанцией технической ошибкой.

Сложность оценочных категорий выражается зачастую в проблемах разграничения смежных составов, что также приводит к переквалификации деяний судом.

Так, по уголовному делу в отношении Алишевых, обвиняемых по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, судом принято решение о переквалификации действий виновных на ст. 107 УК РФ, поскольку суд посчитал, что обе осужденных находились в момент совершения преступления в состоянии аффекта.

Данная тенденция прослеживается и по ранее приводимым нами делам в отношении Лунина и Ипановой, для которых уголовная ответственность наступила в значительно меньших объемах ввиду разности толкования закона судом первой и кассационной инстанций.

Высокая доля убийств в структуре тяжких и особо тяжких преступлений обуславливает особую социальную опасность вышеуказанного вида деликта представляет и огромную значимость проблемы назначения справедливого наказания за рассматриваемые нами деяния.

По данным статистики вопросы назначения наказания за квалифицированные убийства в Тюменской области в целом выглядит следующим образом.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что основной интервал назначаемого наказания завис в пределах от 10 до 15 лет лишения свободы, что вряд ли соответствует ожидаемому уровню сатисфакции за причиненный вред.

Недостатки судебной практики по процессам об убийствах усложняются еще и тем, что цикл проблем, связанных с содержанием и уголовно-правовым значением целей и мотивов преступления, не приобрели единообразного разрешения в теории уголовного права, что сказывается на общем уровне ответственности за совершение преступлений против жизни.

3.2. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАЛОЛЕТНЕГО ИЛИ ИНОГО ЛИЦА, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ

Изучив уголовно-правовую характеристику убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а также соотношение данного преступления с оставлением в опасности и

убийством матерью новорожденного ребенка можно сделать вывод о том, что, не смотря на изученность данной темы, некоторые нерешенные теоретические вопросы имеются и находят свое негативное отражение в практической деятельности правоприменителей.

Стоит также отметить, что в России как в целом количество преступлений, так и количество убийств находится на стадии регресса. Проанализировав статистические данные МВД РФ и Верховного суда РФ можно сделать вывод о том, что в период с 2010 года по 2019 год включительно количество совершаемых преступлений всех категорий в целом с каждым годом уменьшается, при этом количество убийств и покушений на убийства также снижается, соответственно и количество осужденных снижается. При этом стоит отметить, что количество осужденных за убийство и покушение на убийство в 2015 году составляло 229 человек, а вот в 2016 году 239 человек, то есть наблюдался прогресс на 10 человек, а вот в эти годы количество общих преступлений и количество убийств и покушений на убийство регрессировало (Приложение 1).

Изучив все вышеизложенное стоит обратить внимание, что состояние беспомощности как алкоголь, сон, опьянения разными теоретиками расценивается по-разному и некоторые считают такое состояние беспомощным, некоторые авторы исключают такие состояния из понятия беспомощного состояния применительно к убийству.

Постановление от 27 января 1999 г. № 1 к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, относит:

1. тяжелобольных;
2. престарелых;
3. лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

В то же время «престарелый» возраст достаточно условное понятие, далеко не всегда означающее физическую беспомощность. Например, вряд ли можно считать мастера спорта по боксу, находящегося на пенсии, неспособным

адекватно воспринять угрозу и отразить ее. Равно как и человека, страдающего некими психическими расстройствами, нельзя однозначно и неоспоримо признавать не имеющим возможности себя защитить. Здесь мы опять-таки возвращаемся к вопросу о некорректности существующего законодательного подхода.

Во многих случаях убийство лица, которое виновный в процессе лишения жизни своими действиями привел в состояние «сонливости и заторможенности», не квалифицируется как убийство иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Не имеется и единого подхода при квалификации рассматриваемого вида убийства при наличии глубокого алкогольного опьянения потерпевшего либо его нахождения в момент совершения преступления в состоянии сна. Квалифицируя содеянное по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд указал, что беспомощное состояние потерпевшего заключалось в сильном алкогольном опьянении. Так, по делу Виноградова С.А., осужденного Верховным судом республики Татарстан за убийство Лазаревой, заведомо для него находящейся в беспомощном состоянии, она находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения, вынесено решение о квалификации его деяния по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В другом случае этим же судом по делу Наумова кассационная инстанция исключила состояние опьянения тяжелой степени из беспомощного состояния. ВС РФ указал, что факт сильного алкогольного опьянения и сна потерпевших не может рассматриваться как заведомо для виновного их беспомощное состояние.

Таким образом, на законодательном уровне нет точного перечня лиц, которых нужно относить к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, а соответственно нет четкого понимания у правоприменителя кого же стоит относить к данной категории и какое состояние у потерпевшего необходимо считать беспомощным.

Из изученного нами и проанализированного материала установлено, что состояние сонливости и заторможенности, сна и сильного опьянения не

квалифицируется как беспомощное состояние потерпевшего, однако в силу этого состояния зачастую потерпевшие и не могут оказать сопротивления преступнику, в связи с этим считаем данную проблему актуальной и пробелом в законодательстве.

Также, по нашему мнению, еще одной проблемой является нерешенный вопрос о разграничении какой вид убийства вменять убийство малолетнего или убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии при убийстве родителем своего ребенка не достигшего возраста 14 лет, поскольку оба этих признака характеризуют совершенное такого рода убийство.

Еще одной немаловажной проблемой в действующем законодательстве, выявленной при исследовании данной темы, является отсутствие четкой регламентации за убийство какого малолетнего, и при каких условиях мать и суррогатная мать несет уголовную ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В настоящее время происходит пересечение объектов преступного посягательства при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и убийство малолетнего, поскольку объектом в этих составах выступает ребенок, не достигший 14 лет, а понятие малолетний включает в себя понятие новорожденный.

В ходе исследования и изучения эмпирического материала по данной теме установлено, что в большинстве случаев убийства малолетнего, виновным является именно мать ребенка. Так из 30 изученных приговоров 25 из которых по убийству малолетнего, большинство из которых совершены именно матерью.

После включения в УК РФ такого состава преступления как убийство матерью новорожденного ребенка произошел скачек преступности и убийств данной категории. Однако, по нашему мнению, мера ответственности в ст. 106 УК РФ очень гуманная, и ее стоит сравнивать с мерой ответственности при убийстве квалифицированной со ст. 105 УК РФ. Возможно лишь смягчения

наказания если убийство матерью новорожденного ребенка совершается в условиях психотравмирующей ситуации.

Также проблемой является неоднозначное понимание термина «заведомость», который на законодательном уровне не закреплен ни в Уголовном кодексе РФ ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». При исследовании обозначенного пленума установлено, что «малолетний возраст» и «беспомощное состояние» охвачены как единое целое, несмотря на то, что все же это разные понятия по смыслу слов как минимум. Степень опасности объективной стороны, преступления совершенного в отношении обозначенных категорий лиц, связана с неспособностью потерпевшего в силу имеющегося у него физического или психического состояния обеспечить себе защиту, оказать активное сопротивление преступнику, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство.

Представляется, что в целях адекватного толкования признака «заведомости», правильной квалификации преступных деяний, назначения справедливого и обоснованного наказания при оценивании анализируемого состава убийства следует учитывать несколько аспектов.

1. «беспомощное состояние» следует понимать, как неспособность лица сопротивляться либо уклоняться от преступного посягательства в силу психологических или физиологических особенностей, осознаваемых виновным.

2. основания возникновения беспомощного состояния не должны влиять на квалификацию вне зависимости от того, сам ли потерпевший привел себя в означенное состояние либо оно было достигнуто при содействии виновного лица.

Таким образом, подводя итог вышерассмотренному стоит отметить, что «заведомость» в уголовном праве следует трактовать как заранее известное достоверное знание о юридически значимых фактах; разъяснение данного термина необходимо закрепить в рамках соответствующего постановления Пленума ВС РФ. Осознание «беспомощного состояния» потерпевшего

виновным должно быть доказано, причины возникновения данного состояния не должны влиять на квалификацию содеянного. При разграничении убийства матерью новорожденного ребенка и убийства заведомо беспомощного лица уголовное право и криминология определяющим критерием является факт наличия (отсутствия) определенного психофизиологического состояния виновного лица, обусловленного влиянием родового процесса и (или) взаимосвязанных с ним обстоятельств. Стоит нормативно в примечании к ст. 105 УК РФ закрепить понятие малолетнего применительно именно к данной статье, с целью отграничения от смежных составов преступлений. Критерии беспомощного состояния и его виды также стоит закрепить нормативно в законе с целью недопущения различной правоприменительной практики.

ГЛАВА 4. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

4.1. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗА УБИЙСТВА ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Разбор вопросов и проблем, связанных с правильной квалификации преступлений против жизни, а именно убийств, нельзя будет назвать завершённым в полной мере, если не затронуть вопрос разведения анализируемых составов преступления с другими общественно опасными деяниями, которые сопряжены с посягательством на жизнь человека.

Рассматривая вопрос отграничения от прочих общественно опасных деяний, которые содержат в своем составе действия (бездействие), результатом которых является причинение смерти человеку, необходимо, в первую очередь, отталкиваться от легального определения убийства. При этом, понимая то обстоятельство, что для квалификации и последующего отграничения преступлений друг от друга, невозможно обойтись без анализа обязательных признаков сопоставляемых деяний.

Основной для разграничения составов общественно опасных деяний положен объект преступного посягательства, который и определяет его сущность (природу), а также общественную опасность. Также, по объекту определяется и характер деяния. Не возникает труда при разграничении деяний в том случае, когда их объекты абсолютно различны и никак между собой не пересекаются (например, убийство и грабеж). Но в случаях, когда у двух преступных деяний схожий объект посягательства, возникают сложности при их разграничении друг от друга.

Иногда, свою роль в разграничении играет и объективная сторона, но это не всегда решающее значение. Ведь убийство, как правило, совершается путем активных действий, но уголовный закон не исключает и бездействие. Общественно опасное последствие в виде смерти человека характерно не только для убийства. Равно как и причинная связь между деянием и смертью

человека характерна для целого перечня преступлений, а не только для убийства.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. указывается следующее: «по смыслу закона убийство не должно расцениваться как преступления, предусмотренных п. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны».

Эта проблема нередка для следственно-судебной практики, из-за чего и возникают практические ошибки в виде «завышения» либо же «занижения» квалификации. Самой же распространенной ошибкой считается «завышение» квалификации, примером которой можно назвать приговор суда в отношении К., признанной виновной в совершении убийства Г. с особой жестокостью, которая была вызвана аморальными и противоправными действиями потерпевшего (сдав квартиру в аренду К., Г. забрал ее паспорт, вел себя в отношении неё грубо и вызывающе, подвергал побоям, понуждал к действиям сексуального характера). В результате К., как она пояснила, на фоне отчаяния и безысходности, нанесла Г. столовыми приборами (ножи и вилки) 78 колото-резаных ран в по всей поверхности тела Г., от чего тот скончался на месте происшествия.

По результатам расследования, установив мотив и обстоятельство общественно опасного деяния, состояние психики К., суд апелляционной инстанции сделал вывод о наличии в момент совершения преступления у К. состояния аффекта и квалифицировал ее действия по части 1 статьи 107 УК РФ. Кроме того, на выводы суда повлияли результаты комплексной психолого-психиатрической экспертизы, которая установила, что аффект произошел из-за совокупности факторов: тяжелого материального положения К., аморального и

преступного поведения Г. по отношению к ней, обстановке безысходности и общего отчаяния. Все это в определенное место и в определенное время сработало по принципу «последней капли» и привело к смерти Г.

Такое подробное изложение материалов уголовного дела обусловлено необходимостью обратить внимание правоприменителя на целый ряд аспектов и проблемных моментов, которые неизбежно возникают при расследовании и судебном рассмотрении дел такой категории.

Наличие всех признаков убийства, совершенного в состоянии аффекта, ни в коем случае нельзя квалифицировать совершенное деяние как убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), вне зависимости от наличия или отсутствия внешних обстоятельств совершения общественно опасного деяния, которые бы говорили о наличии особой жестокости.

Помимо этого, убийство, совершенное общеопасным способом, в обязательном порядке следует отграничивать от убийства двух или более лиц. Разграничение в этом случае следует проводить по субъективной стороне, а именно, по умыслу лица, совершающего преступление. Совершая убийство общеопасным способом, когда имеется угроза причинения вреда жизни и здоровью другим лицам, а не только жертве, виновный, как правило, относится к возможности причинить вред окружающим безразлично, либо сознательно допуская такую возможность. То есть, по отношению к случайным потенциальным жертвам у виновного имеется косвенный умысел. Прямой же умысел нацелен только на жертву преступления, которую избрал для себя виновный. А убийство двух или более лиц, вне зависимости от опасности или безопасности способа умерщвления, совершается с прямым умыслом по отношению ко всем жертвам.

Например, Е. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК. Он был признан виновным в совершении указанного преступления при следующих обстоятельствах. Е., А. и С. распивали спиртные напитки. Между ними произошла ссора, в ходе которой Е. ударил А. и С. бутылкой по голове. После этого он взял топор и ударил по голове, шее и другим частям тела потерпевших

и убил обоих. В данном случае действия виновного охватывались единым умыслом и совершены одновременно, поэтому квалификация по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК представляется верной.

Кроме того, необходимо, чтобы при убийстве общеопасным способом, чтобы умысел виновного охватывал угрозу причинения смерти другим лицам, помимо непосредственно жертвы преступления. Из-за этого нельзя согласиться с утверждением, согласно которому что в ряде случаев при схожих обстоятельствах возможна квалификация действий виновного в отношении других лиц по статье 109 УК РФ (т.е. причинение смерти по неосторожности). Совокупность статей 105 и 109 УК РФ при таких обстоятельствах невозможна.

От общеопасного убийства нужно отличать и террористический акт. В последнем случае жизнь человека является лишь дополнительным объектом уголовно-правовой охраны, а основным – общественная безопасность. Да и цели у террористического акта иные, не ставящие во главу угла причинить смерть одному либо нескольким лицам.

Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации)» определяет, что при квалификации убийства по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой лиц.

Из обзора судебной практики следует, что в соответствии со ст. 35 УК РФ убийство признается совершенным группой лиц, если два и более исполнителя преступления без заранее имеющегося сговора, действуя совместно, с умыслом, направленным на причинение умышленной смерти, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие. При этом соучастие в любой форме группу не образует.

Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, договорились о совершении преступления заранее, до выполнения его объективной стороны.

Таким образом, учитывая, что многочисленные вопросы возникающие в процессе квалификации различных видов убийств по-прежнему остаются без ответа, актуальность изучения данной проблемы и путей её решения не вызывает сомнения. В рамках данного исследования нами была предпринята попытка уяснения способов решения вопросов квалификации как легальное толкование и формирование единого подхода в судебной практике, а также правотворчество, позволяющее устранить пробелы в уголовном законодательстве, уточнить его при необходимости, а также предложить конкретные меры, способные повлиять на повышение эффективности деятельности правоохранительных и судебных органов.

4.2. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗА УБИЙСТВА ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ И УБИЙСТВА СОВЕРШЕННОГО ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

Убийство из хулиганских побуждений, по справедливому суждению правоприменителей, вполне справедливо, является одним из наиболее сложных для квалификации обстоятельств ч. 2 ст. 105 УК РФ. Причиной тому базирование состава преступления полностью на таких оценочных понятиях, как грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу и т.п.

Верховный Суд Российской Федерации в меру своих сил пытается формализовать эти понятия и рекомендует вменять п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ в тех случаях, когда умышленное лишение жизни потерпевшего совершается на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали.

Поведение виновного бросает открытый вызов обществу и сложившимся правилам человеческого общежития, желанием противопоставить себя социуму, показать свое превосходство и пренебрежение таким правилам. Преступление по таким мотивам совершается без явных побуждений и целей

Аналогичные признаки хулиганских побуждений раскрываются в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007

г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». Заметим, что в действовавшем ранее Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» хулиганский мотив был описан иначе. Под убийством из хулиганских побуждений понималось убийство, «совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым моральным нормам, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение». «Нередко, добавлял Пленум, это преступление совершается без повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства» (п. 6).

Хулиганский мотив должен доминировать над всеми остальными побуждениями виновного лица, на что неоднократно указывала судебная практика.

Рассмотрим пример из практики Белгородского областного суда. К., проживая совместно с супругой и дочерью, систематически пьянствовал, дебоширил, избивал домочадцев. Суд по заявлению потерпевшей расторг их брак. Однако К. не уходил из квартиры, продолжая прежний образ жизни, и в итоге был в 2017 г. осужден за хулиганство к лишению свободы на 2 года. Освободившись из мест лишения свободы, К. продолжал преследовать жену, требуя, чтобы она согласилась на совместное проживание, угрожая в противном случае убийством. Однажды, проникнув в ее квартиру через форточку, К. стал избивать женщину различными бытовыми предметами, ногами, а затем задушил скрученной в жгут наволочкой.

Суд первой инстанции обоснованно отверг утверждение подсудимого о том, что убийство было им совершено по мотивам ревности и неприязни к жене, и квалифицировал его действия как убийство из хулиганских побуждений. Областной суд остался солидарен с мнением нижестоящего суда, дополнительно отметив, что виновный действовал не по одному четко

прослеживаемому мотиву. Среди мотивов его действий, бесспорно, усматривались элементы ревности, злобы на жену за ее категорический отказ возобновить семейную жизнь с ним, а также обиды за свою не сложившуюся жизнь. Однако основным ведущим мотивом на момент совершения преступления был хулиганский. У К. преобладало желание «показать себя», продемонстрировать неуважение к женщине, навязать свою волю человеку, не связанному с ним какими-то обязательствами и не желавшему иметь с ним ничего общего, утвердить путем насилия свою волю. Именно этот мотив, признанный судом хулиганским, и определил квалификацию действий подсудимого.

Итак, хулиганский мотив выражается в использовании незначительного повода для совершения убийства незнакомых людей (потерпевший не дал закурить, отказался поддержать разговор с пьяным, уклонился от предложения выпить на улице, сделал замечание по поводу недостойного поведения в общественном месте и т.д.).

Как отмечает А.В. Ростокинский, «сущность хулиганства – это одна из «крайних» форм субкультурного конфликта. Этот конфликт заключается в том, что появление чуждых определенной субкультуре (ее носителем является сам хулиган) актуальных (и эмоционально окрашенных) смыслов воспринимается носителями данной субкультуры как существенный раздражитель и даже как посягательство на собственную свободу, опасность, грозящую собственной личности» [Ростокинский, с. 56].

Поэтому, пытаясь смягчить ответственность за совершенное убийство, виновные часто пытаются переложить ответственность на потерпевших, обвиняя их в аморальных и противоправных действиях по отношению к виновному, который, представляя себя жертвой, был вынужден защищаться путем совершения убийства на фоне личных неприязненных отношений, возникших спонтанно из-за недоброжелательства со стороны жертвы. Хотя, как справедливо отмечают ученые-юристы, и такое развитие событий вполне

возможно, и выражается это в так называемом «мотиве внезапной ненависти». [Яни, с. 28].

Для правильной квалификации необходимо исследовать содержание слов (фраз), сказанных потерпевшим. Из материалов одного уголовного дела видно, что «грубость» выражалась как раз в нежелании общаться с виновными либо в призыве вести себя достойно в присутствии детей и женщин.

В таких ответах нет унижения достоинства человека, и потому назвать их грубыми нельзя. Следует учитывать и неадекватность действий виновного по отношению к потерпевшему, которого лишают жизни в ответ на замечание, просьбу вести себя в рамках общепринятых моральных требований.

А. Кунашаев говорит, что «решиться на такую меру воздействия без повода либо по незначительному поводу со стороны потерпевшего может только лицо, пренебрегающее интересами других, желающее самоутвердиться во мнении своих знакомых либо просто при этом присутствующих граждан любой ценой, включая причинение смерти» [Кунашев, с. 78].

Разграничение между этими составами необходимо проводить по цели убийства. Надо выяснить, какую именно цель в процессе лишения жизни «пришлого», «чужого» человека преследовал виновный: удовлетворение чувства вражды, ненависти к целому народу, расе или это было проявлением желания нарушить общественный порядок путем применения оружия (орудия) против любого человека, в том числе против лица другой расы, национальности, вероисповедания? Сам факт произнесения кличек, относящихся к национальным и другим названным особенностям лиц, участвующих в конфликте, не следует считать проявлением экстремистских мотивов.

Совсем другая ситуация возникает в случаях, когда взятые в контексте с другими фразами, произнесенными субъектом, клички очевидно свидетельствуют о существовании у него намерения расправиться с лицом иной расы, национальности (например, фразы типа «Негр – вон из страны! Россия только для русских», «Убей черного!» и т.п.). Как мы уже отметили, уголовный

закон мотива ненависти либо вражды, не раскрывает. Д.ю.н., профессором О.С. Капинус справедливо отмечает, что «под таким мотивом предлагается понимать обусловленные определенными потребностями внутренние побуждения, выражающие стремление виновного показать неполноценность потерпевшего по причине его принадлежности к конкретной (иной) нации, либо по причине его расовой принадлежности, либо по причине исповедования им определенной религии и, вследствие этого, свое ненавистное к нему отношение» [Капинус, с. 116].

В заключении параграфа отметим, что в целях отграничения преступления по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ от убийства по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует учитывать, что если при хулиганском мотиве лицо, совершая противоправные действия, стремится противопоставить себя окружающим, проявить явное неуважение к обществу, любым способом продемонстрировать собственную значимость неопределенному кругу лиц независимо от того, кто перед ним, то при мотиве ненависти посягательство совершается в отношении определенных, конкретных лиц, которые выделяются по признакам принадлежности к конкретной нации, расе, религиозной конфессии, политической партии и иной социальной группе.

4.3. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОТГРАНИЧЕНИЕМ УБИЙСТВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 1 СТ. 105 УК РФ, ОТ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО

Во время существования РСФСР убийство считалось одним из наиболее тяжких из всех существующих видов преступных деяний. Ответственность за него предусматривалась различными статьями Уголовного Кодекса РСФСР: 102-й, 103-й, 105-й, 106-й, 108-й, а также 111-й. Наличие столь большого количества статей обуславливалось необходимостью предусматривать индивидуальные наказания для убийц в зависимости от того, какими

обстоятельствами характеризовалось совершенное ими деяние. Так, например, наибольшая ответственность предусматривалась в соответствии со 102-й статьей Уголовного Кодекса Российской Федерации (она определяла положения, применяемые для квалификации убийства, совершенного с наличием увеличивающих вину преступника обстоятельств). А ответственность за неосторожное убийство, предусмотренное 106-й статьей Уголовного Кодекса РСФСР, была значительно меньшей (и в некоторых случаях даже не была связана с лишением преступника свободы).

В соответствии со 103-й статьей Уголовного Кодекса РСФСР, в качестве наказания за убийство могло быть применено лишение свободы, длительность которого в зависимости от обстоятельств совершенного убийства устанавливалась в диапазоне 3-10 лет. Современный Уголовный Кодекс Российской Федерации, в котором ответственность за убийство предусматривается по 105-й статье, в качестве минимального наказания обозначает шестилетнее лишение свободы. Что касается максимально возможного наказания, то им может стать лишение свободы на пятнадцатилетний срок, в течение которого преступник находится в условиях строго режима. Таким образом, можно сделать вывод, что в Российской Федерации ответственность за убийство является значительно большей, чем в РСФСР.

Положения, которые закрепляются второй статьей Основного Закона Российской Федерации, могут быть применены только по отношению к человеку. Из этого утверждения становится ясно, что и потерпевший, и виновник преступного деяния могут пользоваться положениями второй статьи Основного закона Российской Федерации в собственных интересах. Таким образом, Конституция Российской Федерации диктует необходимость соблюдения законных интересов и прав, имеющих у лиц, принимающих участие в осуществлении уголовного судебного производства, вне зависимости от статуса их участия в таком производстве. К обязанностям следственных структур относится тщательное и вместе с тем своевременное рассмотрение

всех преступных деяний, в результате которых был причинен вред здоровью, жизни человека. Однако на практике сотрудники следственных органов сталкиваются с большим количеством проблем, когда пытаются разграничивать подобные составы преступных деяний.

Чтобы рассмотреть описанные выше проблемы подробнее, необходимо детально исследовать специфику такого преступного деяния, как убийство. Так, в соответствии с первой частью 105-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации в качестве убийства рассматривается такое деяние, которое было совершено умышленно, причем в его результате наступила смерть человека. Таким образом, можно заключить, что лицо не может обвиняться в соответствии с первой частью 105-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации в том случае, если у него не имелось умысла осуществить насильственное лишение жизни иного человека. Сказанное выше означает, что сотрудники следственных структур перед тем, как направлять на судебное рассмотрение дело, возбужденное в связи с фактом убийства, должны собрать достаточные доказательства того, что лишение жизни человека было предпринято виновником преступного деяния намеренно, с умыслом.

В четвертой части 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации предусмотрено описание умысла, имеющегося у такого человека, который признается виновным в нанесении тяжкого вреда здоровью иному человеку. Так, намеренное причинение тяжкого вреда здоровью зачастую может осуществляться лицом, которое обладает широкими познаниями в сфере анатомии. Это значит, что у него, вероятно, имеется медицинское образование какого-либо уровня, а также опыт работы по специальности. Однако далеко не во всех случаях умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью осуществляется такими лицами, которые являются по профессии медиками. Таким образом, можно заметить, что в случае совершения преступного деяния, которое предусматривается четвертой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, говорить об умысле убить человека невозможно.

Однако в этой ситуации имеется умысел на то, чтобы нанести его здоровью тяжкий вред.

Как полагает Г. Борзенков, преступное деяние, которое устанавливается четвертой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, необходимо рассматривать в качестве двуобъектного. Исследователь обосновывает собственную позицию тем, что такое преступление посягает как на человеческое здоровье, так и на жизнь [Борзенков, 192].

Изучение судебной практики, сформированной в результате рассмотрения судами дел, возбужденных в соответствии с 111-й статьей Уголовного Кодекса Российской Федерации, предоставляет возможность определить, как обстоятельства, имеющие место при преступлении, сказываются на определении нацеленности умысла.

Например, для Б. был вынесен приговор, в соответствии с которым суд признал его вину в совершении преступного деяния, предусмотряемого первой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации (в полном решении упомянуто также использование судом положений третьей части 30-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации при рассмотрении обстоятельств дела и вынесении приговора). Опишем подробнее преступное деяние, за которое было установлено наказание для Б. Суд, изучив обстоятельства дела и предоставленные материалы, установил следующее. 17.05.2016, в районе 5 часов вечера, Б., обладая соответствующим умыслом, возникшим у него вследствие личных неприязненных взаимоотношений, нанес удары в область грудной клетки и шеи П., используя для этого холодное оружие (нож). Результатом данного преступного деяния стало то, что П. получил раны шеи, щитовидной железы, а также грудной клетки. Кроме того, из-за ножевых ранений, которые были причинены П., у него появилось повреждение в трахее, также сформировался пневмоторакс. Все нанесенные ранения П. обусловили появление у него состояния здоровья, расцениваемого как причинение тяжкого вреда. Также суд установил, что П., а также К. и У. (свидетели, пребывавшие в том месте, где случилось преступное деяние), не

допустили дальнейших ножевых ранений, отобрав нож у Б. Также П. сумел получить квалифицированную медицинскую помощь. Рассматривавшая обстоятельства дела судебная коллегия решила, что суд первой инстанции принял некорректное постановление, квалифицировав действия П. в соответствии с первой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации. В качестве обоснования своей позиции судебная коллегия обратила внимание на то, что умысел Б. заключался не в нанесении тяжкого вреда здоровью П., а в причинении ему смерти. Однако из-за наступления обстоятельств, возникновение которых не было обусловлено действиями Б., смерть П. не случилась.

Таким образом, судебная коллегия приняла решение, в соответствии с которым Б. получил наказание, исходя из положений первой части 105-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации. Иными словами, судебная коллегия квалифицировала действия Б. как покушение на то, чтобы убить человека.

Для четко разграничения ст. 105 и ст. 111 УК РФ приведем пример ниже, так как вышеизложенная ситуация, в которой ошибочно применили ст. 111 УК РФ имеет разные умыслы.

Так, с пьяным до бесчувствия человеком, которого в студеную зимнюю ночь раздевают в безлюдном месте и оставляют одного на морозе. Неоспоримо, что вор при этом действует с прямым умыслом, осознает опасность этого деяния (раздевания) для жизни потерпевшего. Не наступившая смерть пьяного не подлежит уголовно-правовой оценке правоохранными органами. Если сравнивать ст. 105 и ст. 111 УК РФ то исходя из приведенных выше примеров следует что, предпочтение квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ отдается, если преступник либо использует орудие, которым обычно нельзя убить, либо сознательно наносит удар небольшой силы, либо сознательно направляет его в такую часть тела, которую не принято относить к «жизненно важной» скажем – укол ножом в ягодицу», что не сказать о квалификации ст. 105 УК РФ, где

действия (бездействия) лица имеет прямой умысел направленный исключительно на убийство другого лица.

Рассмотрим еще один пример, который является аналогичным предыдущему. Так, имелась ситуация, при которой потерпевший получил телесное повреждение, суть которого заключалась в появлении у него ранения рублено-резаного типа. Через рану в кровь потерпевшего попало заражение, вследствие которого наступила смерть человека. В этой ситуации предоставить доказательства того, что у человека, причинившего ранение, впоследствии приведшее к убийству, имелся умысел на лишение жизни, невозможно. Это значит, что его деяние должно быть квалифицировано в соответствии с четвертой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Существуют также и такие ситуации, при которых лицо, совершившее убийство, не могло иметь желания сделать именно такое преступное деяние, однако допускало, что его действия приведут к подобному результату. В данных ситуациях преступное деяние должно быть квалифицировано в соответствии с положениями, которые описаны в 105-й статье Уголовного Кодекса Российской Федерации. Обосновывается данный вывод тем, что у преступника имелся косвенный умысел на совершение именно убийства.

Такая форма вины, как неосторожность, при совершении убийства реализуется лишь в ситуациях, предусмотряемых первой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации. Если смерть причинена вследствие неосторожности, то, как правило, непосредственной причиной ее наступления является такая, которая не связана с действиями самого преступника. Так, например, в случаях, когда смерть возникла из-за анатомической специфики потерпевшего, о которой нападавший не имел представления, его действия квалифицируются как причинение смерти, совершенное вследствие неосторожности. Таким образом, легкомыслие не может рассматриваться в качестве основания для квалификации преступного деяния, в результате которого наступила смерть потерпевшего, в соответствии с

четвертой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации [Кружкова, 21].

Таким образом, если у преступника имеется прямой умысел на то, чтобы нанести здоровью иного человека вред, такое деяние необходимо рассматривать как покушение на причинение вреда здоровью. При этом факт появления вреда здоровью не должен приниматься во внимание: даже если вред здоровью не был нанесен, то это не должно быть основанием отмены соответствующей квалификации действий преступника.

Важнейшим вопросом в рамках настоящего исследования представляется тот, который связан с отграничением убийства, совершенного с наличием умысла косвенного характера, от неосторожного деяния, обусловившего причинение смерти. Необходимо отметить, что осуществление такого ограничения является достаточно сложным. Оно будет корректным лишь в той ситуации, когда правоприменитель досконально, всесторонне подошел к изучению обстоятельств преступного деяния.

Чтобы корректно квалифицировать преступное деяние, связанное с неосторожным причинением смерти, необходимо добиться установления формы вины, которой характеризовались действия виновника преступного деяния.

Отметим, что неосторожность следует рассматривать в качестве такой формы вины, установление которой является чрезвычайно сложным. Это обуславливается в первую очередь тем, что неосторожность человеческого поведения – крайне сложное и комплексное понятие, обуславливаемое большим числом факторов (в том числе и тех, что от действий самого человека напрямую не зависят).

Так, преступления, которые, как кажется изначально, могут осуществляться по неосторожности, на поверку способны оказаться умышленно осуществленными. Таким образом, не всегда имеется возможность корректно установить, было ли преступное деяние неосторожным или умышленным.

Отметим, что неосторожное причинение смерти не является тем же самым, что и неосторожное нанесение здоровью тяжкого вреда, впоследствии обусловившего смерть. Таким образом, данные составы преступных деяний также необходимо отграничивать друг от друга.

Все сказанное выше позволяет заявить, что положения, предусматриваемые четвертой частью 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, судом могут быть использованы тогда, когда виновный обладал умыслом нанести вред здоровью иного человека, но не имел умысла на его убийство. Но при этом вследствие действий, предпринятых виновником преступного деяния, потерпевшему была причинена смерть.

Как полагает А. Хун, рассматриваемые составы преступных деяний отличаются друг от друга еще и за счет того, что их виновники демонстрируют различное психическое отношение к итоговому результату [Хун, 129].

При этом нельзя не отметить, что рассматриваемые составы преступных деяний обладают большим количеством схожих черт. Это, например, фактически одинаковый итог: и в том, и в другом случае жертва умирает. Кроме того, действия, примененные виновником преступного деяния, фактически обуславливают наступление смерти у жертвы. Также отметим, что смерть наступила из-за неосторожных действий, примененных виновником.

Наказания, которые могут быть применены по отношению к лицам, допускающим подобные преступные деяния, отличаются. Так, например, для лица, признаваемого виновным в совершении преступного деяния, рассмотренного в четвертой части 111-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, устанавливается санкция, чей максимальный размер – 15 лет нахождения в условиях лишения свободы. Если же преступление квалифицировано в соответствии с первой частью 109-й статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, то максимально возможная санкция представляет собой двухгодичное помещение виновника в условия лишения свободы.

Суд, который рассматривает действия, предпринятые обвиняемым, также должен разрешать вопрос о наличии в них элементов умысла.

Рассмотрим следующий пример, взятый из судебной практики. Н., которая была признана судом виновной за совершение преступного деяния, предусмотряемого первой частью 105-й статьи УК Российской Федерации, уже была направлена для того, чтобы отбыть наказание (суть которого заключалась в ее помещении в условия лишения свободы на восьмилетний срок) в колонию, где поддерживается общий режим отбытия наказания. Однако впоследствии Н. была предоставлена апелляционная жалоба (от ее имени действовал адвокат). В тексте апелляционной жалобы содержалось указание на то, что суд, рассмотревший обстоятельства дела в рамках первой инстанции, некорректно изучил их, в связи с чем его решение было необоснованным, а также не соответствовало положениям действующего законодательства. Как заявил в своем ходатайстве адвокат, действия, которые были предприняты Н., следует квалифицировать в соответствии с первой частью 109-й статьи УК Российской Федерации.

Суд апелляционной инстанции принял к рассмотрению заявление, которое было предоставлено адвокатом Н. Однако после того, как его рассмотрение было завершено, суд апелляционной инстанции принял решение, в соответствии с которым постановление, вынесенное судом нижестоящей инстанции, осталось имеющим законную силу, а требования адвоката и Н. не были удовлетворены. В качестве обоснования такого решения суд апелляционной инстанции заявил о следующем: в соответствии с законодательным положением, которое предусматривается второй частью 26-й статьи УК Российской Федерации, в тех ситуациях, когда в действиях виновного лица обнаруживается неосторожность, необходимо, чтобы у такого лица имелись реальные основания надеяться на то, что уголовно наказуемые последствия не возникнут. Что касается дела Н., то в нем суды не определили подобного рода обстоятельств. Суды обращали внимание на то, что Н. целенаправленно нанесла ножевое ранение в такой орган человеческого тела,

функционирование которого рассматривается как обязательное для жизни человека (иными словами, если этот орган перестанет функционировать должным образом, то жизнь человека будет пребывать в опасности). Из-за того, что ранение пришлось на такой орган тела, Н. не имела реальных возможностей полагать, что ее действие не станет причиной смерти жертвы. Также судом были получены доказательства того, что Н. понимала, к каким опасным для общества результатам приведут ее действия. Это значит, что смерть была причинена с соответствующим умыслом.

Согласно Постановлению, которое было принято ВС РФ 27.01 1999 (данное Постановление получило N 1), в случае, когда суд рассматривает вопрос о сути умысла, имеющегося у лица, совершившего предусмотренное уголовным законодательством деяние, он должен принимать во внимание все обнаруженные обстоятельства. Кроме того, суд должен учитывать, с помощью каких способов и инструментов виновник реализовал преступное деяние, какое количество ударов, приведших к последствиям (например, к гематомам, ранениям кровоизлияниям), совершил. Также суду необходимо принимать во внимание, в каких взаимоотношениях находились жертва и виновник преступного деяния.

Как показывают результаты, полученные при исследовании судебной практики, выявление всех характеристик субъективной стороны преступного деяния является сложной деятельностью. Нередко при ее осуществлении допускаются неточности, которые впоследствии становятся причиной возникновения ошибок. Так, например, было обнаружено определенное количество судебных решений, принимая которые, суды некорректно трактовали нацеленность умысла. Было отмечено, что иногда такое деяние, которое фактически представляет собой неосторожное причинение смерти, трактовалось судами как убийство. И наоборот: деяния, обладающие всеми признаками, предусмотренными для убийства, считались судами как неосторожное причинение смерти, вследствие чего для их виновников

устанавливалось наказание, не соответствующее реальной величине общественной опасности от осуществленных ими действий.

Важно отметить, что нанесение тяжкого урона здоровью и убийство – преступные деяния, которые обладают большим количеством схожих черт, но рассматриваемых в уголовном законодательстве как обладающих разными составами. Определяется это в первую очередь тем, что умысел, имеющийся у преступников, осуществляющих подобного рода деяния, является разным. Если имеет место убийство, то суть умысла заключается в том, чтобы лишить жертву жизни. Если же деяние квалифицируется в соответствии с четвертой частью 111-й статьи УК Российской Федерации, то умысел является ориентированным на то, чтобы причинить здоровью жертвы вред (таким образом, намерения убить ее у преступника не имеется).

Эмоциональное отношение субъекта преступного деяния к тому преступлению, которое он совершил, а также преследуемые им цели, мотивы, подвигнувшие на преступление, не рассматриваются уголовным законодательством в качестве обязательных признаков убийства. Однако они могут носить характер факультативных. Это значит, что от их наличия или отсутствия состав преступного деяния не может смениться на квалифицированный (или, наоборот, на общий). Но у суда есть возможность учесть эмоциональное отношение субъекта преступного деяния к тому преступлению, которое он совершил; преследуемые им цели; мотивы, подвигнувшие на преступление в процессе индивидуализации назначаемого наказания. В соответствии с одним из Постановлений, которое было вынесено Пленумом ВС РФ, суды во всех случаях обязаны устанавливать, какой мотив привел к преступному деянию.

Приведем пример, взятый из судебной практики. Так, 17.04.2010, ориентировочно в 3 часа дня С., ранее употребивший спиртосодержащие напитки (в связи с чем он пребывал в состоянии опьянения), сформировал ошибочное предположение, в соответствии с которым односельчане Ф. и С. осуществили убийство животного, принадлежащего С. (собаки). Таким

образом, у С. возникла серьезная личностная неприязнь к упомянутым выше гражданам, ставшая причиной появления мотива убить их. Таким образом, 17.04.2020, в промежутке, ограниченном четырьмя часами дня и семью часами вечера, С. предпринял попытку совершить ранее задуманное преступное деяние. Для этого он взял с собой нож и пришел в место проживания З. Увидев, что на кухонном помещении квартиры, где проживает З., также находится Ф., у С. сформировался умысел на его убийство (поскольку, как уже было упомянуто ранее, у С. было представление, в соответствии с которым Ф. и З. были виновниками гибели его животного). В процессе реализации сформировавшегося преступного замысла С. вплотную приблизился к Ф. (который в тот момент времени находился на стуле) и нанес ему как минимум три удара в шею, плечо, а также в правую кисть (нанесение ранения в данную область было связано с тем, что Ф. предпринял попытку защитить себя от ударов). Вследствие данных повреждений произошла смерть Ф.

Значимость разграничения таких преступных деяний, как неосторожное нанесение смерти, с иными преступными деяниями является высокой. Так, преступное деяние, которое предусматривается первой частью 109-й статьи УК Российской Федерации, считается имеющим небольшую тяжесть. Что касается таких преступных деяний, которые регламентированы второй и третьей частями упомянутой выше статьи, то они считаются обладающими средней тяжестью. Неосторожное нанесение смерти следует рассматривать как следствие недисциплинированности виновника преступления, его неосмотрительности. Однако при всем этом нельзя не отмечать того факта, то подобные преступные деяния обладают существенно меньшей социальной опасностью, чем убийства, осуществляемые намеренно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из ключевых принципов, лежащих в основе уголовного права, является необходимость всестороннего обеспечения защиты общества и каждого отдельно взятого гражданина от возможных криминальных посягательств, в том числе от деяний, результатом которых может стать лишение жизни. Данный принцип распространяется на всех без исключения граждан, вне зависимости от возрастных, гендерных, этнических или любых других признаков. Стоит подчеркнуть, что с точки зрения правового подхода жизнь, выступающая в качестве объекта преступного посягательства, не может быть измерена количественными или качественными критериями, что позволяет объединить все совершаемые преступления данного рода в одну общую категорию – преступления против жизни.

Анализ уголовного законодательства, научных трудов и судебной практики позволил сделать ряд теоретических выводов, которые легли в основу работы.

На сегодняшний день формально закрепленного определения особой жестокости нет, как в законодательстве, так и в научной литературе. Многие ученые относят понятие особой жестокости к оценочным, в силу того, что нигде нет его закрепления. Ряд авторов высказываются, что оценочные понятия в законодательстве должны быть сведены к минимуму. Долголенко Т.В. отмечает, что п. «д» ч. 2 статьи 105 УК РФ должен отличаться экстраординарной степенью жестокости. Согласно суждению Ткаченко В.В. особая жестокость характеризуется мучениями, т.е. продолжительными болями, которые человеку достаточно сложно стерпеть, сильные страдания, причиняемые именно физическим путем, обладающие пониманием человека безнадежности, страха, отчаяния и тревоги. По мнению Павалаки А.Д. особая жестокость подразумевает под своими действиями пытки, страдания, мучения, истязания и другие похожие по своему характеру действия, наносящие физические, психические и иные страдания человеку, находящемуся при жизни. Сальникова Е.И. утверждает, что убийство с особой жестокостью имеет

большую необходимость отличаться исключительной степенью жесткости. Следует отметить, что особая жестокость относится не только к правовому понятию. При установлении данного понятия, следственные органы, прежде всего, руководствуются нормами морали и нравственности. Исходя из этого, необходимо отметить, что понятие особой жестокости относится еще и к этическим понятиям.

Государство и его правоохранительные органы должны вести беспрекословную борьбу с преступлениями, связанными с причинением смерти другому человеку.

Многие ученые утверждают, что большинство преступников, совершивших убийство с особой жестокостью, не устраивает свое положение в обществе. Они зачастую чрезмерно порывисты, нервные, произвольные. Большая часть таких преступников имеют наркотическую или алкогольную зависимость.

Расположение квалифицирующих признаков имеет практический смысл, поскольку облегчает процесс квалификации конкретного убийства.

Для разграничения отдельных видов убийств важнейшее значение имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» в ред. от 03.03.2015 № 9, вместе с тем, немало спорных моментов по квалификации убийств при отягчающих обстоятельствах в нем не разъяснены.

Применительно к нашей работе мы говорили, в том числе, о необходимости закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, при квалификации убийства общеопасным способом, возможность наступления вредных последствий для других лиц (причинение смерти, тяжкого вреда и среднего вреда здоровью) по неосторожности.

Проблемы понимания и объяснения оценочных категорий, и, прежде всего, такого явления, как жестокость, требуют решения в рамках комплексного исследования. Важны четкие критерии отграничения, например, «простой» жестокости от «особой», и очень важно, чтобы такие критерии определял

уголовный закон, поскольку это минимизирует усмотрение правоприменителя и позволит обеспечить объективность и справедливость при юридической оценке деяния.

Российская Федерация является правовым государством. Главной целью в правовом государстве сохранение жизни граждан, обеспечение соблюдения прав и обязанностей людей, как итог стабильное правовое общество. О таком преступлении, как убийство, сказано много, написано большое количество научных трудов как российскими и советскими учеными в области уголовного права, так и зарубежными. Огромный интерес данная тема представляет не только с точки зрения криминологии, виктимологии и психологии поведения преступника, но и с точки зрения уголовного права, т.к. убийство (как и любое умышленное преступление против жизни другого человека) всегда и во всех странах мира традиционно являлось, и является, особо тяжким преступлением, которое карается длительными сроками лишения свободы или же смертной казнью.

Жизнь была и остается наивысшей ценностью любого человека. При прекращении жизни прекращаются все права и обязанности у человека и соответственно пропадает звено из сложившихся общественных отношений, как результат невозможная потеря и нарушение отношений в социуме.

Рассмотрев в ходе исследования уголовно-правовую характеристику убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, можно сделать вывод о том, что несмотря на изученность темы существует много проблемных вопросов относительно квалификации рассматриваемых видов убийств. При исследовании темы выпускной квалификационной работы изучены объективные и субъективные признаки убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Важно отметить, что выявлены проблемные вопросы уже на рассмотрении объекта преступления, а именно в теории и на практике нет точного понимания кто при совершении убийства считается малолетним и, кто иным лицом, заведомо для виновного

находящимся в беспомощном состоянии. Для решения данного вопроса считаем целесообразным в примечании к статье 105 УК РФ по аналогии примечания к статье 158 УК РФ закрепить понятие малолетнего с отражением всех признаков, а именно неспособность оказать преступнику сопротивление и возрастные критерии с 4 недель жизни до 14 лет, тем самым исключим пересечение объекта со статьей 106 УК РФ. При закреплении предложенного нами варианта на законодательном уровне будет конкретизирован объект убийства малолетнего.

Также в примечании необходимо дать понятие иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, с отражением признаков такого состояния, а именно состояние, находясь в котором потерпевший не может оказать сопротивление преступнику, данное изменение позволит правоприменителю единообразно квалифицировать преступные деяния, а суду принимать законные и обоснованные решения, не давая поводов и оснований осужденным обжаловать приговора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

7. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

8. О судебной практике по делам об умышленных убийствах: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 2.

9. Несоответствие выводов суда обстоятельствам совершения убийства повлекло изменение приговора и переквалификацию действий виновного лица с п. «г» ст. 102 УК РСФСР на ч. 1 ст. 107 УК РФ: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 09.09.1998 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 5.

10. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.

11. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1.

12. Уголовное дело № 2-1/2008 г. // Архив Тюменского краевого суда.

13. Уголовное дело № 2-2/2009 г. // Архив Тюменского краевого суда.

14. Уголовное дело № 2-2/2009 г. // Архив Тюменского краевого суда.

15. Уголовное дело № 2-21/2013 // Архив Тюменского краевого суда.

16. Уголовное дело № 2-38/2015 // Архив Тюменского краевого суда.

17. Уголовное дело № 2-21/2016 // Архив Тюменского краевого суда.

18. Уголовное дело № 2-22/2018 // Архив Тюменского краевого суда.

19. Уголовное дело № 2-28/2019 // Архив Тюменского краевого суда.

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

20. Абдулмуслимова, Л. Г. К вопросу о роли провокации в совершении убийства и насильственных преступлений против жизни и здоровья / Л. Г. Абдулмуслимова // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7. – С. 245–247.

21. Авдеев, М. И. Преступления против личности и уголовно-правовая терминология / М. И. Авдеев // Правоведение. – 1979. – № 2. – С. 81–92.

22. Артюшина, О. В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья / О. В. Артюшина // Правоприменение. – 2017. – № 3. – С. 132–145.

23. Бывальцева, Е. М. Преступления против жизни / Е. М. Бывальцева // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2016. – № 7. – С. 65–73.

24. Гецманова, И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы / И. В. Гецманова // Медицинское право. – 2016. – № 5. – С. 27–36.

25. Долголенко, Т. В. Преступления против жизни и здоровья: учебное пособие. – М.: Проспект, 2016. – 129 с.

26. Дуберштейн, Е. В. К проблеме неоднозначности терминов (на примере прилагательного особый) / Е. В. Дуберштейн // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – № 5. – С. 21–29.

27. Зайцева, А. М. Ограничение естественного права на жизнь в позитивном праве / А. М. Зайцева // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 9. – С. 31–35.

28. Иванов, Н. Субъективная сторона хулиганства / Н. Иванов, И. Косарев // Уголовное право. – 2017. – № 5. – С. 37–41.

29. Кругликов, Л. Л. О критериях особой жестокости в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 3. – С. 62–79.

30. Кунашев, А. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами / А. Кунашев // Законность. – 2019. – № 2. – С. 74–85.

31. Лобко, К. А. Значение расследования убийств на бытовой почве на современном этапе / К. А. Лобко // Герценовские чтения – 2016: актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. – 2016. – С. 122–124.

32. Меньшикова, А. Г. Вариативность назначения наказания с учетом признака «Особая жестокость» / А. Г. Меньшикова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 4. – С. 12–24.
33. Меньшикова, А. Г. Особая жестокость как оценочное понятие / А. Г. Меньшикова // Юридический журнал. – 2016. – № 5. – С. 15–21.
34. Павалаки, А. Д. Вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью / А. Д. Павалаки // Молодой ученый. – № 12. – 2017. – С. 421–432.
35. Ростокинский, А. В. О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и экстремизма / А. В. Ростокинский // Российский следователь. – 2017. – № 7. – С. 54–60.
36. Сальникова, Е. И. Понятие убийства с особой жестокостью / Е. И. Сальникова // Байкальский юридический институт. – 2016. – № 4. – С. 3–10.
37. Серегина, Е. В. Сложности уголовно-правовой оценки признаков преступлений, совершенных с особой жестокостью / Е. В. Серегина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 6. – С. 19–25.
38. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В.И. Даль ; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М. : Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
39. Уголовная ответственность за убийство: монография / В. В. Ткаченко, С. В. Ткаченко. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 144 с.
40. Яни, П. С. Хулиганский мотив убийства / П. С. Яни // Законность. – 2018. – № 7. – С. 24–29.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 – статистические показатели и динамика убийств и покушений на убийство на территории РФ в период с 2010 по 2019 год включительно.

Год	Общее количество преступлений в РФ	Количество убийств и покушений на убийство в РФ	Процент убийств от общего количества преступлений в РФ %	Число осужденных за убийство
2010	2628799	15563	0,592	534
2011	2404807	14305	0,594	398
2012	2302168	13265	0,576	286
2013	2206249	12361	0,560	268
2014	2190578	11933	0,544	245
2015	2388476	11496	0,481	229
2016	2160063	10444	0,483	239
2017	2058476	9738	0,473	165
2018	1991532	8574	0,430	147
2019	2024337	7948	0,392	131